

Едва Цзи Чэн успел привлечь внимание пользователей сети, как ретивые фанаты тут же «поженили» его с коллегой по съёмочной площадке. Виной всему был совместный кадр, который в глазах публики выглядел ни дать ни взять снимком для свидетельства о браке.

В самом романе Император и Младший принц действительно демонстрировали трогательную братскую преданность, так что фанфиков и пейринговых историй в интернете хватало с избытком. Сериал ещё даже не вышел в эфир, а поклонники уже разглядели между актёрами необходимую искру.

От такого неожиданного поворота Лу Цзюньсянь и Юэ Мэнцзэ только руками развели — ну и фантазия у людей!

Впрочем, для актёров подобное не редкость. Юэ Мэнцзэ давно привык к фанатским фантазиям — его с кем только ни шипперили, да и Лу Цзюньсянь навидался всякого.

Они оба посчитали это безобидной шуткой, а вот Цзи Чэн юмора не оценил. Мрачнее тучи, он мельком глянул в экран смартфона Лу Цзюньсяня, после чего молча уселся на свой раскладной табурет и уставился на съёмочную площадку, где режиссёр Юй как раз отдавал указания.

Почему?

С какой стати на его первом публичном снимке, на его первой опубликованной фотографии рядом с ним красуется какой-то посторонний тип?!

Да, в глазах Цзи Чэна Юэ Мэнцзэ оставался абсолютным незнакомцем. Несколько совместных сцен и пара перекинутых фраз вовсе не делали его приятелем, ради которого стоит терпеть подобные вещи.

Юэ Мэнцзэ, не догадываясь о буре в чужой душе, продолжал хохотать: ну шипперят и шипперят, дело житейское! Будут теперь друзьями, а шутки фанатов — экая невидаль.

Он и представить не мог, что стать настоящим другом Цзи Чэна — задача из разряда невыполнимых.

Пока Юэ Мэнцзэ сыпал шутками, Лу Цзюньсянь заметил, что у Цзи Чэна испортилось настроение. Решив, что парень слишком прямолинеен, не привык к законам шоу-бизнеса и просто близко к сердцу принимает фанатские байки, он ободряюще похлопал его по плечу:

— Не бери в голову, фанаты вечно фантазируют.

Цзи Чэн повернулся к нему и качнул головой:

— Я не беру.

Что там болтают в сети — дело сетевых анонимов. Он их знать не знает, в глаза не видел — с чего бы ему переживать?

Просто... у него ведь до сих пор нет ни одной совместной фотографии с Лу Цзюньсянем.

От этой мысли на душе у Цзи Чэна скребли кошки.

Пока он предавался печали, следя за съёмкой, боковое зрение уловило какое-то движение.

Цзи Чэн коснулся взглядом происходящего рядом и замер: Юэ Мэнцзэ с увлечением тянулся к Лу Цзюньсяню, намереваясь сделать селфи.

— Давай ещё кадр, сделаем сетку из девяти снимков! Учитель Лу, эх, вот если бы вы тоже были в костюме, вышло бы вообще идеально!

Приговаривая это, Юэ Мэнцзэ подвинулся вплотную к Лу Цзюньсяню и вскинул пальцы в знаке «V».

Цзи Чэн сжал челюсти.

В груди закипала глухая досада.

То, о чём он даже мечтать не смел, другие делали играючи.

Цзи Чэн с тоской взглянул на свой кнопочный раритет. Направишь ли такую руину на себя? О селфи не могло быть и речи, а предложить Лу Цзюньсяню сфотографироваться вместе не хватало духу.

— Цзи Чэн, присоединяйся! — задорно окликнул его Юэ Мэнцзэ. — Встанем втроём, твой кадр пойдёт прямо в центр сетки!

Цзи Чэн одарил его ледяным взглядом. Никакого желания фотографироваться у него не было, обниматься с незнакомцем перед камерой и выкладывать это в сеть — тем более. Каждая деталь этой затеи вызывала у него отторжение.

И всё же...

Подумать-то он так подумал, но отказываться не стал. Молча придвинул свой раскладной табурет поближе и направил каменное лицо прямо в объектив.

Лу Цзюньсянь глянул на экран, где в самом углу маячила одинокая макушка Цзи Чэна, и не удержался от смешка. Протянув руку, он потянул явно смущённого парня к себе:

— Это просто фото, не зажимайся ты так. Улыбнись.

Цзи Чэн, разумеется, нервничал до предела. Сердце колотилось где-то в горле. Услышав просьбу, он вспыхнул до кончиков ушей и выдавил из себя безупречно-натянутую улыбку во все тридцать два зуба.

— Идеально!

Довольный результатом Юэ Мэнцзэ опустился на корточки и принялся корпеть над постом в Вейбо, аккуратно расставляя снимки в сетке из девяти кадров, чтобы совместное фото оказалось точно по центру.

Лу Цзюньсянь не стал ему мешать и повернулся к Цзи Чэну:

— Ты, похоже, совсем не любишь фотографироваться?

Вопрос был риторическим, ответ Лу Цзюньсянь знал и так.

Цзи Чэн кивнул, выудил из кармана свой древний сотовый, повертел в руках, нашёл в меню камеру и с алеющими ушами навёл объектив на Лу Цзюньсяня:

— На него только так можно. Селфи тут нет.

И пока Лу Цзюньсянь тепло улыбался, Цзи Чэн ловко спустил затвор.

На всю площадку раздался оглушительный, пронзительный щелчок, характерный для старых мобильных.

Цзи Чэн рассчитывал сделать кадр незаметно, но предательский звук выдал его с потрохами. Уши парня мгновенно налились пунцовой краской. Он почувствовал себя последним извращенцем, которого поймали за подглядыванием, и готов был сквозь землю провалиться от стыда.

Лу Цзюньсяня же это ничуть не задело. К объективам ему было не привыкать. Он прекрасно видел, куда указывает камера, и спокойно позволил себя снять.

Одно оставалось неясным: сфотографировал — и ладно, чего так паниковать?

Сдерживая улыбку, Лу Цзюньсянь забрал из дрожащих рук Цзи Чэна раритетный аппарат и взглянул на экран.

Пиксели резали глаз — качество снимка было катастрофическим, и держался кадр исключительно на безупречной внешности модели.

— Вышло неплохо. Но фронталки тебе и впрямь не хватает, — резюмировал Лу Цзюньсянь, возвращая телефон владельцу.

Цзи Чэн тут же углубился в галерею. Убедившись, что фотография на месте и её не удалили, он просиял.

Лу Цзюньсянь, не подозревая о буре восторга в душе спутника, достал свой смартфон, переключил на переднюю камеру и потянул Цзи Чэна к себе.

— Объектив вовсе не страшный, расслабься.

Цзи Чэн обомлел. Оказавшись один на один перед камерой с Лу Цзюньсянем, он от волнения мгновенно забыл, как улыбаться, и уставился в экран с предельно суровым видом.

Лу Цзюньсянь уже собирался попросить его хоть немного смягчить выражение лица, как закончивший с постом Юэ Мэнцзэ с любопытством сунулся к ним.

Цзи Чэн своими глазами увидел, как из-за их плеч вырастает чужая голова. Лицо его тут же потемнело, а глаза сами собой коснулись верха экрана, косясь на бесцеремонного визитёра.

И ровно в этот миг затвор сработал.

Из-за вспышки и резкого движения Цзи Чэн на фото вышел так, будто у него глаза под лоб закатились, а сам он вознамерился испепелить Юэ Мэнцзэ взглядом безумца.

Рассматривая получившийся шедевр, Лу Цзюньсянь расхохотался во весь голос:

— Цзи Чэн, ну ты прелесть!

Юэ Мэнцзэ тоже зашёлся глухим смехом:

— Ого! Нечасто от тебя дождёшься столь богатой мимики вне кадра!

Цзи Чэн молчал.

Ему было не до смеха. Губы сошлись в сухую, жёсткую линию.

Выпал редкий шанс сфотографироваться с Лу Цзюньсянем вдвоём, так мало того что влез третий лишний, так ещё и кадр испорчен.

Он уткнулся взглядом в экран своего старого телефона, где хранился одиночный портрет Лу Цзюньсяня. Рядом всё ещё звенел искренний, заразительный смех. Цзи Чэн помолчал секунду, и уголки его губ сами собой тронулись вверх.

Главное — Лу Цзюньсянь рад. Раз ему весело, то и на душе становится тепло.

Повеселившись, Юэ Мэнцзэ отправился повторять текст, а Цзи Чэн отошёл в уборную.

Как раз объявили перерыв. Режиссёр Юй Цзыцюнь подошёл к их уголку и без церемоний уселся на освободившийся раскладной табурет Цзи Чэна. Достав сигарету, он затянулся.

— Холодина такая. Чего в отель не идёшь, торчишь тут весь день? — спросил Юй Цзыцюнь, выпуская дым.

— На мне новичок, надо присматривать, — спокойно открестился Лу Цзюньсянь, а затем чуть вскинул бровь, глядя на сигарету. — Ты же вроде бросал?

Юй Цзыцюнь выдохнул ровное сигаретное колечко и ностальгически вздохнул:

— Бросишь тут с вами... Я ведь ради тебя завязал. А как расстались, иной раз так накатит — скучаю, сил нет.

Лу Цзюньсянь насупился и одарил его строгим взглядом. Юй Цзыцюнь уже состоял в отношениях, и подобные двусмысленные фразочки звучали неуместно и неприятно.

Впрочем, режиссёр тут же зашёлся смехом:

— Накатит мысль, что некому больше мне морали читать, свобода! Можно дымить сколько влезет! Вот и отрываюсь!

Лу Цзюньсянь только качнул головой.

Видя его немое осуждение, Юй Цзыцюнь фыркнул и протянул ему сигарету:

— Покрути в пальцах. Сигарета мужику плюс сто к харизме даёт.

Лу Цзюньсянь взял её и стал крутить между пальцев, не собираясь зажигать. Никакого особого шарма он в этом не находил.

— А Мэн Гэ разве не курит? — вдруг вспомнил Лу Цзюньсянь. Публичный образ Мэн Гэ — эдакий милый, послушный мальчик, с которым сигареты совершенно не вяжутся.

— Ещё как курит! Да так смолит, мне до него далеко. Весь его образ «сладкого котика» к чертям собачьим летит, когда он зажигалку достаёт.

— Что ж, отличная пара.

Лу Цзюньсянь отреагировал нейтрально, понимая, что образ «милого мальчика» — лишь грамотный ход продюсеров.

Юй Цзыцюнь хмыкнул:

— Я бы и рад, чтоб он мне запрещал, да только он во всём мне потакает... Сладкий до невозможности, послушный такой, чёрт бы его побрал.

Лу Цзюньсянь промолчал, а через паузу перевёл тему на дело:

— У Фан Хуа ведь осталось немного сцен? Скомпонуй его график, пусть отснимется пораньше и уезжает.

Юй Цзыцюнь изумлённо вскинул брови:

— Это ещё почему? Он тебя чем-то задел?

Лу Цзюньсянь никогда не пользовался служебным положением и не сводил личные счёты, со всеми держался подчеркнуто ровно и вежливо.

— Обожает сплетни разносить. Да и по ночам в игры рубится, спать людям мешает.

Услышав это, Юй Цзыцюнь вспомнил, как сам недавно застал Фан Хуа за чесанием языка — тот как раз перемывал косточки Лу Цзюньсяню и Цзи Чэну. А что до игр...

— Они с Цзи Чэном в одном номере живут? — уточнил режиссёр.

Лу Цзюньсянь кивнул.

Юй Цзыцюнь понимающе ухмыльнулся:

— Ох и опекаешь ты его...

— Мешать другим спать — это по-твоему нормально? — отрезал Лу Цзюньсянь.

— Ладно-ладно, сделаю всё в лучшем виде, — примирительно махнул рукой Юй Цзыцюнь и выдохнул ещё одно сизое облако.

Вернувшись из уборной, Цзи Чэн застал картину: Лу Цзюньсянь и Юй Цзыцюнь сидят вместе, и... Учитель Лу курит?!

Он и представить не мог, что Лу Цзюньсянь балуется табаком. Оказалось, он знает о нём ещё далеко не всё.

Жаль только, сам Цзи Чэн курить не умел.

Вечером, судя по всему благодаря вчерашнему замечанию Лу Цзюньсяня, Фан Хуа свернул свои баталии уже к одиннадцати часам и завалился спать.

Цзи Чэн, корпевший над ролью, мысленно надеялся: если тот не уgomонится, появится отличный повод напроситься на ночь к Учителю Лу — мол, учить текст в такой обстановке невозможно!

И надо же было Сяо Хуа улечься так рано?!

Едва сожитель отошёл ко сну, Цзи Чэн ощутил глухое разочарование...

«Ну почему он не может поиграть ещё немного?!»

Вздыхая, Цзи Чэн выудил сотовый, открыл сохранённый портрет Лу Цзюньсяня, полюбовался пару секунд — и на душе немного потеплело.

Вот только ночь высекла из него мало радости — спалось парню паршиво.

На следующий день Цзи Чэн официально вошёл в съёмочный ритм. Он работал с полной отдачей, из кожи вон лез, чтобы выдавать дубли с первого раза. Ведь за каждую безупречную сцену он получал восхищённый взгляд Лу Цзюньсяня и ласковое поглаживание по голове.

В тот же день у Сяо Хуа образовалась гора сцен. Столько ему ещё не ставили никогда!

К вечеру вымотанный до предела Фан Хуа еле приволок ноги в номер. Не до игр и даже не до душа — он камнем рухнул на кровать и мгновенно отключился.

Цзи Чэн, повторявший сценарий, опешил:

«Опять так рано?! А как же игры? А где шум и гам?!»

Вот уже два дня он не был у Учителя Лу. И эта постель казалась ему стократ хуже того скромного футона на полу в номере Лу Цзюньсяня.

Тоска по бамбуковому коврику на полу совсем выбила его из колеи — слова сценария не лезли в голову.

Время едва перевалило за десять. Цзи Чэн отложил роль, сжал в дрожащих пальцах старенький сотовый и принялся усиленно настукивать сообщение:

«Учитель Лу, у меня в номере совсем не получается сосредоточиться на тексте.»

Нет, глупости. Стёр.

Набрал снова:

«Учитель Лу, я никак не могу уловить нужную эмоцию в одном эпизоде.»

Снова не то. Стёр.

Как ни крути, всё звучит фальшиво. Сяо Хуа сегодня улегся без задних ног и ни капли ему не мешал! Любой предлог выглядел притянутым за уши.

Но желание оказаться на том самом полу было сильнее разумных доводов.

Промучившись на кровати ещё некоторое время, Цзи Чэн решительно поднялся. Прижав к груди сценарий и сжав в кулаке телефон, он воровато выскользнул за дверь.

Тихий щелчок замка заставил Фан Хуа на мгновение очнуться от дрёмы. Мельком взглянув на пустую кровать соседа, тот сквозь сон пробормотал с глубоким возмущением:

— Да ёб твою мать... Я ж сегодня даже звук не включал...

Не ведающий о проклятиях соседа Цзи Чэн, подобно грабителю на месте преступления, уже

стоял перед дверью Лу Цзюньсяня.

Сердце стучало в ушах. Его сжигали стыд и неловкость. Что он скажет, если Лу Цзюньсянь спросит про причину визита?

Цзи Чэн знал за собой: врать Учителю Лу он не умеет. Стоит открыть рот — зазаикается, задрожит и выдаст себя с потрохами!

Перемявшись с ноги на ногу у порога, парень крепче сжал сценарий, сделал несколько глубоких вдохов и, собрав волю в кулак, тихо постучал.

Дверь отворилась почти сразу.

Увидев на пороге Цзи Чэна, Лу Цзюньсянь на миг удивился, но тут же нашёл логичное объяснение:

— Опять шумит? Заходи.

Цзи Чэн, отчаянно заготовивший кучу неуклюжих оправданий, замер.

Он не посмел выдать ни звука — не подтвердил, но и отрицать не стал. Сжав сценарий обеими руками, парень с предельно серьёзным видом переступил порог.

<http://bllate.org/book/20688/2140973>